

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-3

ЛЕКСИКО-АССОЦИАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

В.М. Швецова

В статье рассматриваются теоретические предпосылки изучения текстовой семантики слов. С опорой на концепцию развития смыслового поля текста определены условия актуализации значения текстовых единиц, установлены их классификационные типы, выявлены особенности функционирования и способы взаимодействия.

Ключевые слова: актуализация семантики, текстовая единица с актуализированным значением (голограмма), текстовая единица с актуализирующим значением (стимулятор), информационное поле текстовой единицы, ассоциативное поле стимулятора, лексико-семантический ресурс текстовой единицы, смысловое поле текста.

В отечественной лингвистике понятие текстовых единиц трактуется неоднозначно. Обычно к текстовым единицам относят элементы, характеризующие тот или иной уровень языковой системы, или компоненты рубрикации текста.

В ходе исследования нами предпринята попытка типологической классификации текстовых единиц, в основу которой положен критерий перспективности их непосредственного участия в процессе формирования семантического потенциала текста. Предлагаемая типология носит универсальный характер и может быть реализована по отношению ко всем установленным в отечественной лингвистике видам текстовых единиц: поэмам

[11], экспрессемам [2], блокам и текстемам [5], композитам [4] и др.

По нашему мнению, текстовая единица – это единица, функционирующая в условиях текстовой ограниченности и участвующая либо в актуализации значения другой единицы, либо получающая развитие за счет других единиц. В первом случае она стимулирует расширение текстовой семантики на основе лексико-ассоциативных связей. Такие единицы можно назвать единицами-стимуляторами, или текстовыми единицами с актуализирующим значением. Они в большей степени обладают информационным потенциалом, который может послужить источником как их развития, так и развития других единиц. Во втором случае текстовая единица обладает актуализируемым значением и по сути имеет голографическую природу.

В языкознании введение термина *голограмма* было теоретически обосновано в трудах по психолингвистике, связанных с изучением лексикона человека. В работах Р. Кольера [6], К. Прибрама [10] представления о

лексиконе как о многоярусной системе объемных, полифункциональных, пересекающихся полей согласуются с голографической гипотезой кодирования и считывания информации.

Текстовая единица с актуализируемым значением имеет голографическую природу, поскольку, во-первых, репрезентируемое ею значение трехмерно: его развитие можно наблюдать в лексическом, понятийном и ассоциативном аспектах; во-вторых, каждая часть голограммы отображает практически все смысловое поле текста, вбирая и систематизируя значение сразу нескольких единиц, реализованных в нем.

В процессе актуализации голограмма может быть пассивной. В ее развитии участвуют только стимуляторы, а внутренние ресурсы остаются незадействованными. Такая ситуация возникает в том случае, когда доминантное положение занимает смысловое поле самого текста. Именно оно фокусирует направление основного содержания, в рамках которого происходит развитие значения голограммы.

При этом на первый план выходит не понятийная и не лексическая выраженность. Как правило, востребованной оказывается система отвлеченных или ассоциативных представлений и аналогий. Стимуляторы, реализуя возможности голограммы в полном объеме, актуализируют ее информационное поле, расширяя его или наполняя пространство иным содержанием. Следовательно, увеличивается уровень информационной масштабности смыслового поля текста.

Благодаря голографической природе текстовой единицы данное актуализированное значение может и не фиксироваться в словарях, но, попадая в коммуникативно близкие условия текстовой ограниченности, оно вновь становится востребованным.

Однако чаще всего текстовая единица с актуализируемым значением наряду со стимуляторами принимает непосредственное участие в процессе собственного развития, используя внутренний и внешний потенциал. Она самостоятельно регулирует направление своего расширения, занимая доминантное положение относительно смыслового поля текста. Это происходит в том случае, если возможности самой голограммы отличаются

большой информационной насыщенностью, например за счет ресурсов компонентов, определяющих ее словообразовательную и семантическую структуру, или в силу собственной природной экспрессивно-эмоциональной окрашенности, социальной мотивированности. Например: *Это были специальные старушки. Делопроизводительницы, корректорши и машинистки. Они не были ветхими. Они были крашеными, дрябло-упитанными и полукомандными, как старые унтера* [1, с. 260].

В данном случае установить значение голограммы *дрябло-упитанный* через прямую дефиницию ее содержания не представляется возможным, так как семантика ее компонентов выражает противоположные понятия: *дряблый* – «лишенный упругости, крепкости, вялый» [8, с. 148]; «рыхлый, ноздристый, потерявший крепость» [3, т. 1, с. 497]; *упитанный* – «полный, здоровый (от хорошего питания)» [8, с. 784]. Становится очевидным, что в условиях текста семантика данной единицы формируется в результате взаимодействия голограммы (или ее компонентов) с каждым стимулятором: *старушка* – *дрябло(ый)* – значение 1; старый унтер – *упитанный* – значение 2.

Моделирование значений 1–2 осуществляется с учетом лексико-семантических ресурсов указанных единиц и позволяет проследить развитие их семантических полей.

Значение 1 развивается на основе синонимических отношений. При этом усиливается значение, репрезентируемое компонентом голограммы *дряблый* («вялый, слабый, старый»), поскольку в содержании стимулятора *старушка* уже заложена подобная семантика (ср.: «уменьш.-ласк. от *старуха* – женщина, достигшая старости» [7, с. 571]). Следовательно, значение 1, сформированное в результате взаимодействия семантических полей компонента голограммы *дряблый* и стимулятора *старушка*, определяется следующим образом: «пожилой человек (женщина), немощный, утративший жизненные и физические силы».

Значение 2 возникает в результате взаимодействия компонента голограммы *упитанный* и стимулятора *старый унтер*. На первый взгляд, выявить общий информационный

участок для указанных единиц, на базе которого впоследствии может расширяться содержание, не представляется возможным в силу разноплановости их значений: *упитанный* – «полный, здоровый (от хорошего питания)» [8, с. 784]; *старый* – «период жизни после зрелости, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма» [там же, с. 709]; «преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и больше» [3, т. 4, с. 316]; *унтер* – «первый военный чин, после звания рядового или ефрейтора» [там же, с. 498]. Обобщая материалы словарных дефиниций, можно установить значение словосочетания *старый унтер* – «пожилой человек, имеющий военный чин унтера».

По нашему мнению, базовое значение 2 формируется на основе синонимичной информации, реализующейся при участии ассоциативных представлений. В дореволюционной России образ унтера ассоциировался с ревностным служакой царской власти, вышедшим из народа, получившим военный чин и определенный материальный достаток. Как свидетельствует русская классическая литература, все эти обстоятельства отразились на внешности и характере унтера: сытый, довольный жизнью, наделенный полномочиями, молодой мужчина, который когда-то получил военный чин и сохранил свои привычки и устои, определяемые образом жизни (поклонение власти, стремление сохранить материальный достаток; ненависть ко всему, что может изменить сложившийся уклад). Слово *упитанный* также ассоциируется в сознании человека с крепостью организма, хорошим питанием и соответственно с благополучием и достатком. Между голограммой и стимулятором устанавливается информационная близость, на основе которой и будет развиваться в дальнейшем значение 2.

Необходимо также отметить, что в тексте единица *старый унтер* выступает в качестве сравнения, посредством которого формируется собирательный образ представителя определенного слоя населения царской России. В семантике данного стимулятора доминирует не временной признак – унтер характеризуется как старый не по возрасту, а по выбранному им образу жизни, который и выступает в качестве атрибута мещанской

сытости, благополучия. Базовое значение 2, сформированное в результате взаимодействия компонента голограммы *упитанный* и стимулятора *старый унтер*, определяется как «благополучный, крепко стоящий на ногах (человек)».

Дальнейшее формирование расширенной семантики голограммы *дрябло-упитанный* происходит на основе ассоциативных связей, возникающих в результате развития значений 1–2. Эти значения противоположны, не совместимы друг с другом: «пожилой человек (женщина), немощный и обессилевший, утративший жизненные и физические силы» – «благополучный, успешный человек». Возникающие на этой основе ассоциативные связи снимают подобное информационное противоречие. Слабый, старый, неудачливый человек когда-то мог быть другим: молодым, полным энергии, богатым. Он мечтает все это вернуть (такие ассоциации формируются на основе базового значения 1). С другой стороны, ныне успешный человек, устраивая свою жизнь, возможно, прошел через унижения, обман, бедность. Пытаясь скрыть прошлое, он хочет сохранить то, что у него есть сегодня (данные ассоциации устанавливаются на основе базового значения 2). Следовательно, в основе ассоциативного поля голограммы *дрябло-упитанный* лежат понятия *потерять прошлое* (значение 1) – *сохранить настоящее, скрывая прошлое* (значение 2). Таким образом, в рамках ассоциативного поля данной единицы с актуализируемым значением *дрябло-упитанная (старушка)* репрезентируется следующая текстовая семантика: «женщина, уже потерявшая былую привлекательность, молодость, но пытающаяся скрыть свое увядание».

Стоит отметить, что другие стимуляторы, которые непосредственно не участвуют в процессе формирования значения голограммы *дрябло-упитанный*, опираясь на систему ассоциативных реакций, подтверждают такое расширенное содержание: «пожилые дамы, потерявшие былую свежесть и, закрашивая седину, скрывающие свой возраст (*крашеные старушки*), но сохраняющие во внешнем виде, в голосе проявления прихоти, каприза, принуждения (*полукомандные старушки*)». В основе сформировавшейся се-

мантики лежат противоположные понятия: *потерять* («утерять, затерять, утратить, лишиться чего-л., не сохранить» [3, т. 3, с. 355]; действ. *терять* – «лишаться по небрежности или роняя, оставляя неизвестно где» [8, с. 519]) – *сохранить* («сберечь, соблюдать, хранить, беречь, блюсти; схоронить, спрятать надежно» [3, т. 4, с. 284]; «сберечь, не изменить, не утратить, не дать измениться, утратиться» [8, с. 742]).

По происхождению голограммы представляют собой как общеизвестные, не имеющие конкретного автора, слова, так и индивидуально-авторские конструкции. Под индивидуально-авторской конструкцией нами понимается текстовая единица (слово или словосочетание) авторского происхождения, созданная по неизвестной или знакомой модели, наделенная экспрессивностью или эмоциональностью, ее появление может осознаваться автором или быть спонтанным. Такие единицы обладают особой информационной, структурной, текстовой значимостью, а также перспективой участия в смысловом расширении авторских произведений и системы языка в целом. Имея дело с такими необычными конструкциями, трудно однозначно определить их мотивирующую семантическую основу, в связи с чем существенно возрастает роль стимуляторов, которые принимают участие в процессе развития значения голограммы.

В условиях актуализации текстовой семантики стимуляторы выполняют две функции: констатирующую и развивающую. В первом случае текстовые единицы с актуализирующим значением лишь подтверждают правильность направления расширения, реализующегося в информационном поле определенной единицы. Актуализируя только общую понятийную сторону голограммы, они непосредственно не участвуют в процессе дополнения или трансформации значения самой голограммы. При этом собственные лексические возможности стимуляторов оказываются не востребованными. Соответственно их информационную активность в тексте можно считать потенциальной. Например: *И ответ мой, как ни странно, будет такой. Преступно, что сегодня 85 % государственной собственности Российской Федерации имеет полу-*

частный характер. Это пугает честного налогоплательщика, оскорбляет его достоинство и нарушает права! [12, с. 28].

В границах голограммы *получастный* репрезентируется следующая семантика: «наполовину мой, наполовину государственный». Однако смысловым полем текста (через его единицы *оскорблять, преступно, нарушать права*) такое значение информационно не поддерживается. Следовательно, чтобы полностью реализоваться в условиях данного текста, выявленное нами содержание должно подвергнуться трансформации или расширению. Такое семантическое развитие может осуществиться непосредственно на основе ассоциативных ресурсов самой голографической единицы.

Ассоциации, спровоцированные прямой дефиницией содержания данной текстовой единицы, расширяют объем ее информационного поля в такой последовательности: *получастный* – исходное значение «наполовину мой, наполовину государственный» – ассоциативное пространство представлено аналогиями «являющийся не совсем собственным», следовательно, «не совсем хозяйский», соответственно «частный, личный, но не совсем». Внутри ассоциативного поля голограммы отмечается оппозиция «государственный – частный» (один предмет не может принадлежать одновременно и государственным структурам, и частному лицу). Кроме того, стимуляторы (*преступно, пугают, оскорбляют – честные налогоплательщики, достоинство, право*) семантически поддерживают такое противопоставление. В ассоциативном поле, развивающемся на основе дефиниции содержания голограммы *получастный*, формируется значение «не относящийся ни к государству, ни к собственнику», то есть «имеющий негосударственный характер, статус и нарушающий в силу этих обстоятельств законодательство».

Развивающая функция, выполняемая стимуляторами в процессе актуализации значения голограммы, характеризуется динамичностью. В этом случае информационная активность таких единиц значительно возрастает, так как именно они организуют процесс развития, формируя расширенное содержание голограммы путем структурирования смыс-

лового поля текста: создание информационных цепочек и концентрированных предложений-текстов, зонирование пространства текста. Например: *Тем временем мы бьемся друг с другом, отстаивая собственные взгляды на переустройство страны. Многие из нас падают, захлебываясь в крови и собственной желчи, и тогда наши несчастные родители подбегают к ним, чтобы помочь подняться. А мы отпихиваем их и плюем им в лицо со словами: «Будьте вы прокляты! Самое тупое, что вы могли сделать, – это родить нас! Теперь уже не взывайте! Поколение Франкенштейнов, пожирающее своих создателей» [9, с. 280].*

Франкенштейн – вымышленный литературный персонаж, поражающий своим внешним физическим уродством. В тексте на основе ассоциативного взаимодействия всех стимуляторов актуализируется значение голограммы *поколение Франкенштейнов*. Схематически данный процесс можно представить следующим образом: *Поколение Франкенштейнов* = «любой из нас» (вид ассоциативного представления 1 через стимулятор *мы*) + «непримиримые и жестокие в борьбе за свои интересы» (вид ассоциативного представления 2 через стимулятор *бьемся друг с другом, отстаивая собственные взгляды на переустройство страны*) + «нас большинство» (вид ассоциативного представления 3 через стимулятор *многие из нас*) + «уничтожающие себя духовно и физически» (вид ассоциативного представления 4 через стимулятор *падают, захлебываясь в крови и собственной желчи*) + «ненавидящие даже близких» (вид ассоциативного представления 5 через стимулятор *родители подбегают к ним, чтобы помочь подняться. А мы отпихиваем их*) + «оскверняющие и проклинающие святое» (вид ассоциативного представления 6 через стимулятор *плюем им в лицо со словами: «Будьте вы прокляты! Самое тупое, что вы могли сделать, – это родить нас!»*) + «угрожающие другим» (вид ассоциативного представления 7 через стимулятор *теперь уже не взывайте! пожирающее своих создателей*). Таким образом, на базе сформированного ассоциативного поля голограммы *поколение Франкенштейнов* развивается ее текстовая семантика: *Поколение*

Франкенштейнов = современники (1; 3) + жестокость (2) + самоунижение (4) + ненависть (5) + святотатство (6) + смертельная угроза (7) = грешники, то есть поколение грешников.

Из всего сказанного можно заключить, что голограмма и стимулятор представляют собой значимые единицы, способные не только развивать или трансформировать в условиях текста собственные значения, но и изменять структуру смыслового поля самого текста.

Текстовые единицы с актуализирующим значением участвуют в организации смыслового пространства текста и обладают системой характеристик (классифицируются по происхождению, словообразовательной и морфологической природе и др.). В процессе развития текстовой семантики голограммы стимуляторы выполняют констатирующую и развивающую функции.

Голограмма развивает свое информационное поле на основе собственных ресурсов или в процессе взаимодействия стимуляторов. Чаще всего она представляет собой результат авторского словотворчества и обладает большими ресурсами для расширенной текстовой репрезентации.

Стимуляторы могут принимать активное участие в формировании информационного поля голограммы, раскрывая, дополняя, а иногда и полностью трансформируя ее значение, или выступать в качестве «проводника» репрезентированного при помощи собственных ресурсов голограммы содержания, подтверждая правильность или возможность того или иного толкования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веллер, М. Мое дело / М. Веллер. – М. : Изд-во АСТ, 2007. – 350 с.
2. Григорьев, В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 201 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 1 : А – З. – 699 с. ; Т. 3 : П. – 688 с. ; Т. 4 : Р – У. – 688 с.
4. Диброва, Е. И. Пространство текста в композиционном членении / Е. И. Диброва // Структура и семантика художественного текста : докл. VII Междунар. конф. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – С. 91–138.

5. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 240 с.

6. Кольер, Р. Оптическая голография : пер. с англ. / Р. Кольер, К. Берхарт, Л. Лиин. – М. : Мир, 1973. – 686 с.

7. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35 000 слов / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Рус. яз., 1990. – 704 с.

8. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь: Ок. 35 000 слов: 70 000 словосочетаний / В. В. Лопатин. – 7-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 877 с.

9. Минаев, С. ДУХLESS: Повесть о настоящем человеке / С. Минаев. – М. : АСТ : Хранитель, 2007. – 346 с.

10. Прибрам, К. Языки мозга : пер. с англ. / К. Прибрам. – М. : Прогресс, 1975. – 463 с.

11. Руделев, В. Г. Принципы сегментации поэтической речи / В. Г. Руделев // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1979. – С. 71–78.

12. Толстая, Т. Н. Изюм / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2002. – 384 с.

ASSOCIATIVE LEXICAL RESOURCES OF TEXTUAL UNITS

V.M. Shvetsova

Theoretic preconditions of the textual semantics study are examined in the article. Relying on the conception of the textual semantic field evolution the author specifies conditions of actualized meaning of the textual units, analyses their functioning and ways of interactions; sets out classification types.

Key words: *semantics actualization, textual unit with actualized meaning (hologram), textual unit with actualizing meaning (stimulator), textual unit informational field, stimulator associative field, lexico-semantic resources of the textual unit, conceptual field of the text.*